

УДК 81'374; 271.2
DOI 10.17223/19986645/20/5

Г.Н. Старикова

О ПРОЕКТЕ «ТОМСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ БЫТОВЫХ ТЕКСТОВ ОБЩИННИКОВ)¹

В статье рассматриваются проблемы лексикографической обработки письменного бытового наследия старообрядцев. Представлены жанровый состав анализируемых памятников и их номинативное богатство, приводятся словарные статьи трех вариантов Старообрядческого словаря, выполненного на материале бытовых записок староверов Томского Севера, обозначены их источниковедческие возможности для лингвистов.

Ключевые слова: старообрядчество, этноконфессиональная лингвистика, бытовые тексты, лексикография.

Старообрядчество представляет собой особый тип конфессионального единения, члены которого ревностно ограждают от новшеств внешнего, «чужого» для себя, мира свою веру. В ситуации мировой глобализации вполне закономерен и понятен интерес специалистов (религиоведов, философов, историков, культурологов, литературоведов, лингвистов) к староверию разного толка, сохранившему самобытность в условиях многовековых притеснений и прямых гонений. Представителями многих наук только за последнее десятилетие инициирован ряд значимых международных научных и научно-практических конференций, съездов и симпозиумов со старообрядческой проблематикой в Нижнем Новгороде (с 2003 г. проводятся Аввакумовские чтения), Владивостоке (2004), Киеве (2004–2010), Москве (2005–2011), Санкт-Петербурге (2008), Новгороде Великом (2009), Минске и Улан-Удэ (2011), Томске (2012), что свидетельствует об актуальности данной тематики.

К числу традиционных задач языковедов относится решение вопросов о диалектном составе общины, месте ее бывшего исхода (иначе – вопрос о материнской основе данных говоров), особенностях функционирования русского языка в старообрядческой среде в условиях микросоциума, степени влияния на язык староверов местных говоров или иноязычного окружения и подобные [1. С. 72–90]. В продолжение давних традиций исследования в настоящее время наиболее активно в этих направлениях идет изучение говоров старообрядцев Забайкалья [2, 3, 4], Прибалтики [5], дальнего зарубежья [6, 7].

Антропоцентрический характер новой научной парадигмы в лингвистике позволил существенным образом расширить рамки языковедческих исследований за счет когнитивно-прагматического аспекта. Примером подобного анализа могут служить работы школы С.Е. Никитиной [8, 9], которой предлагается выделить особую научную дисциплину – *этноконфессиональную лингвистику*, призванную изучать как «специфические языковые стереотипы, связанные с религиозной сферой», так и «все языковые проблемы этнокон-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-04-00087а).

фессиональных групп» [10. С. 197–198]. Данная идея отражает, с одной стороны, несомненно возросшее в последние два десятилетия внимание лингвистов к говорам старообрядцев – с их особыми условиями бытования, сложными историческими судьбами их носителей. С другой стороны, выделение нового научного направления можно рассматривать как поиск современной диалектологией новых методов и подходов к явлениям ареального характера, для которой особую актуальность приобретают сейчас исследования староверческих говоров. Без расширения источниковедческой базы (прежде всего за счет материала прошлых времен) эти задачи не могут быть решены. Более того, в современной ситуации нивелировки диалектных различий обращение к живой речи, книжному наследию старообрядцев, сохраняющих в силу «островного» образа жительства элементы письменной культуры прошлого, региональные варианты национального языка, видится весьма перспективным.

О значимости подобной работы свидетельствует факт учреждения в 2012 г. при дирекции ИРЯ РАН Центра по изучению старообрядчества (руководитель Л.Л. Касаткин), в числе направлений деятельности которого среди прочих, не менее важных, указываются сбор и обработка материалов, издание старообрядческих рукописей, составление словарей. Все эти виды деятельности связаны между собой, поскольку лексикографическая работа немыслима на пустом месте, а созданные словари, в свою очередь, подвигают ученых на новые исследования, экспедиции, региональные или же сводного характера тезаурусы. Так, безусловная преемственность наблюдается в последовательно созданных «Материалах для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» под ред. М.Ф. Семеновой (Рига, 1963. 362 с.), «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» под ред. Т.Б. Юмсуновой (Новосибирск, 1999. 600 с.), «Словаре языка Агафьи Лыковой» Г.А. Толстой (Красноярск, 2004. 562 с.).

В ходе археографических экспедиций на Томский Север в 1980–1990-х гг. было сформировано собрание старообрядческих памятников, включающее, помимо служебных и четых, тексты бытового, утилитарного характера. Коллекция последних, называемая Тиуновской по фамилии продавца книг, хранится в настоящее время в фондах Томского областного краеведческого музея (далее ТОКМ) и Института истории СО РАН (г. Новосибирск) (далее ИИ). Самыми объемными среди них являются дневники: так называемый «Островной летописец» (ТОКМ, дело 7372: 1915–1923 гг., 36 листов, бумага) и «Книга пасхальная» (ИИ, дело 2/92: 1956–1975 гг., 14 листов, береста). В первом представлены подневные записи, отражающие погоду и хозяйственную деятельность общинников, иллюстрацией чему может служить следующий отрывок, в котором для удобства чтения числобуквы заменены цифрами: **7. снежокъ напорошилъ полъ вершка/ 8. рыбы довылъ 137. ходилъ наовыденкѸ/ 11. морозикъ спылю ясно икѸхточка/ 12. рыбы довылъ 185. 15. рыбы довылъ/ 334. 16 и 17. снѣгъ шолъ. адосего время/ снѣгъ 3 четверти. 18. снежокъ вѸ/ три днѸ снегъ пало 3 вершка/ 19. ясно иморозикъ полѸмотки полоскали** (лист 20 об., январь 1917 г.; далее – ОЛ, л.). Текст одной руки, автор – мужчина, скупой на рефлексии, его записи носят в основном констатирующий характер.

Остальные тексты принадлежат женщинам, они отличаются большой эмоциональностью, богатым спектром выражаемых чувств. Например: **Где мои годы мои маладыя гдета ой үлетели далека** (ТОКМ, дело 12676/27). Или: **Мне издесь бывает тяжко и часто плачу и пражлинаю свою жизнь** (ТОКМ, д. 12676/17). Основной автор женских записок известен – Наталья Федоровна Коновалова, предположительно внучатая племянница создателя «Островного летописца». В «Книге пасхальной», продолжающей традиции общинного летописания, ею отражена только праздничная неделя, дополненная записями о некоторых событиях прошедшего года: **1969 года была пасха 27 марта./ 1 день был ясный и ст҃дено. 2/ тоже ясно изастыло крепко/ наши ходили вгости. А во вторк 3 день/ тоже застыло крепко. наши үшли/ на езеро рыбачить навсю весн҃ а а/ осталася удна. А 4-й днь среда весь днь был/ дождь во время вечерни выглен҃ла/ солнце стало ясно потом зашла т҃ча/ был гром и дождь. 5-й днь тоже мрак/ был снег превалками. Пришли к нам/ братецъ ст҃ефан и вечером үшли// 6 днь было ясно ст҃дено/ а ходила вгости. 7 последний/ днь пасхи был мрак иветеръ/ фомино воскресѣа тоже мрак/ но потеплее. Итак прошли веселыа праздники итак а удна/ ихъ проводила. А др҃г҃ю пасх҃/ встретить придется или нетъ./ Эт҃ү весн҃ еще пожил о҃нас ва/лода; пришол марта 11 а о҃шол/ 16 распрастиса навсегда збазы хочит о҃ижать** (лист 5–5 об.; далее – КП, л.). Аналогичного содержания разрозненные записи за ряд других лет (1941, 1950, 1951, 1954 гг., береста, бумага; ТОКМ, д. 12676/33–12676/36).

Данная коллекция (д. 12676/1–12676/32) включает также:

– сообщение автора «Книги пасхальной» о смерти отца: **начинаю писать освоємъ горе/ <...> незнаю какъ жить ик҃да/ свою глав҃ приклонить** (д. 12676/31);

– письма, записки старообрядцев: **сестрица наталия прахадиве(ч)ровать мы тибя б҃дем ждаты я ба с радостью пришла н҃ү как итти нада самопрях҃ү тащитъ а тибето вить можна ты вяжишь** (д. 12676/21);

– рисунки с надписями – изображение кошки, подпись **м҃сика** (д. 7354);

– счета снесенных курами яиц: **читала 3 днь пасыхи сидела адына сы҃теригла к҃рицъ и читала** (д. 7064);

– тексты песен, частушки: *пусть он вспомнит деушку чюжюю <...> пусть он землю биригет радную...* (лист, вложенный в «Книгу пасхальную»);

– пробы пера: **маломало пишет** (д. 12676/36).

Введение в научный оборот основных бытовых текстов Тиуновской коллекции [11, 12], оценка их лингвистической содержательности [13], уже принятые автором исследования по ряду аспектов [14, 15] подготовили основу для «Томского старообрядческого словаря» (название условное), работа над которым начата в рамках указанного грантового исследования. И поскольку высокое качество лексикографического труда должны обеспечить исходный материал, принципы отбора лексики, структура словарной статьи, способы толкования номинативных единиц, а также языковое чутье составителя, некоторые из этих слагаемых предстоящей деятельности заслуживают отдельного представления.

Так, уникальность материала обеспечивается во многом частно-бытовым характером записей, в которых максимальным образом отражаются личности пишущих, в том числе их гендерные характеристики. Например, старец в сентябре 1919 г. скупыми красками описывает весьма драматические сцены: **Оутромъ смотыжили подзимовѸ пшеницѸ сосью ипосѣели днѣмъ лѣнѣ вырвали назалогѣ 64 снопика игорохъ выкрючили и дожжикъ пошолѣ. Мы пошли пошншки повалили кѣдрѸ собрали шишки. а пошолѣ поглядѣть кѣлѣмкѸ ноувиделѣ въ ей звѣрѣ живова. а завѣрнѣлѣ и оуѣѣжалѣ. Пришли домой и пошли все глѣдѣть. Пошли ноувидалѣ што ѡнѣ въетѣлѣ иревѣтѣ страшно. Поглядѣли нѣшли домой. 13. Оутромъ сходили поглядѣли намедвѣда ноушли домой. Весь день мочило жать неэлѣ было. 14. Дожджикѣ. КвечерѸ выеснило. Пожали пшеницѸ алѣ 45 сноповѣ. Звѣрь вырвалѣ. Вѣдро. Ночью дошѣ. <...> 26. Медвѣда до- были иположили въ золѸ (ОЛ: л. 28). Сравните накал чувств в женских «бес-событийных» записях: **Итак мое срдце вѣщѣетъ что последню веснѣ все живем а боли дрѹгой не стретить не жить а толко плакать** (КП: л. 9 об.).**

Следствием отражения разделения видов деятельности между общинниками, различных представлений мужчиной и женщинами о значимости той или иной информации явилось тематическое разнообразие номинативного состава бытовых памятников, совпадающих лишь частично в части лексики погоды (*студено, черым, морозить, застыть, потепле, ветер*) и некоторых промыслов (*сновать, рыбачить*). В женских записках упоминаются *самопряха* (д. 12676/21), *полустенок, столбик, пасма, пачись* (д. 12676/33), *цыпушки* (д. 12676/32), *курочки* (д. 12676/35), они изобилуют, как уже отмечалось, эмоционально-оценочной лексикой: *скучновато* (д. 12676/17), *грус(т)новато* (д. 12676/16), *гневаться* (д. 12676/21), *пострадать* (КП: л. 6 об.), *болтуша* (д. 12676/29), *преискренняя и любезнейшая* (д. 12676/18) и др. Показательно в этой связи частотное употребление Натальей Коноваловой эпитетов *веселый* и *невеселый* по отношению к ряду понятий: **1-й был ѡсный веселый студе-ный** (КП: л. 1); **но погода невеселая** (КП: л. 11 об.). При всем содержательном различии текстов их объединяет яркость и метафоричность языка: **Оуѣѣшной пшеницы напескѣ 2 колоска вочки выставили** (ОЛ: л. 27); **ѰвѣрегѸ зачало лѣдѣ Ѱедать** (ОЛ: л. 25 об.); **Березнички одеваются** (КП: л. 10); *вас оттудова паракондой чалкой не вытенишь* (л. 12676/18).

Из промысловой лексики в «Летописце» отражены *запор* (л. 33), *котец* (л. 16 об.), *морда* (л. 30 об.), *фитиль* (л. 29), *кулемка* (л. 16, 16 об.), *сколотни* (л. 16 об.), *обласок* (л. 32), *плот* (л. 16 об.), *березовка* (л. 25 об.), *смолье* (л. 25) и др. Там же широко представлена метрическая лексика: размер измерялся *вершиками* (л. 29), *четвертями, саженьями и аришинами* (л. 7), площадь *загонами* (л. 17 об.), вес *пудами* (л. 10 об.) и *фунтами* (л. 11), объем *кулями* (л. 11), *пудовками* (л. 11, 28), *пятериками* (л. 18), лен считался *снопами, горстями* (л. 10), пряжа – *полумотками* (л. 12 об.). Наиболее же представительны в памятниках разряды лексики, связанные с природным миром (погодой, животным и растительным миром) и бытовой деятельностью общинников. Так, старец называет из осадков, помимо *снега, града и дождя, изморочь* (л. 3 об.; 23 об.), *крупу* (л. 5 об.), *слякоть* (л. 6 об.; 7) и *мокрету* (л. 6), *кухту* –

иней на деревьях (л. 4), из ветров – *хиуз* (л. 21) и *север* (*сивер*) (л. 13, 18 об.), из состояний природы *талицу* (л. 12, 29) (в женских записях упоминается *студеница* – л. 12676/36) и т. д. Особенно богат набор глаголов в данной группе лексики: *заморочать*, *отеплить* (л. 23), *засинивать* (л. 4 об.; 5), *бучить* (л. 11 об.), *попорошить* (л. 3), *побрызгать* (л. 10 об.; 11) и др. Из животного мира упоминаются, *тупанчики* (л. 15), *синочки* (л. 6 об.), *скворчик* (л. 25 об.), *гогли* (л. 14 об.), *жаравли* (л. 21; 32 об.), *кулики*, *лягуши* (л. 25 об.), *пауты* (л. 26 об.), *зверь* (медведь) (л. 28) и др., из растений – *конопле* (л. 11; 15 об.), *ячмень аглецкой* (л. 10 об.), *пучки* (л. 33), *колба* (л. 26 об.), *морошка* (л. 27 об.), *землени(й)ка* (л. 27, 30) и др.

Сравнение лексического материала старообрядческих записок Томского севера с данными современных диалектных словарей позволяет выявить в его составе ряд групп. Во-первых, это слова, не зафиксированные в них: *курешки*, *выкрючить*, *галейка*, *стрякалки*, *студеница*, *отмотыжиться* и др. Вторая группа – это слова с достаточно широким ареалом, но не зафиксированные в словарях Среднего Приобья: *овторник*, *ослизнуть*, *отлучиться*, *отъедать* (о льде), *обыденкой*, *ночь* и др. Третья – имеющие в них иную фонетическую или словообразовательную огласовку: *бревешко* (ОЛ: л. 26 об.), *ведрышко* (ОЛ: л. 18 об.), *ветрок* (д. 12676/36), *коковать* (д. 12676/4) – *закоковать* (ОЛ: л. 15; 25 об.), *тупанчик* (ОЛ: л. 15), *снопишной* (ОЛ: л. 18 об.), *черымчик* (ОЛ: л. 13 об.), другое значение *аршинница* (ОЛ: л. 9), *гнездиться* (ОЛ: л. 26), *заклювать* (д. 12676/36), *перевалки* (КП: л. 4 об.; 11 об.) и др. В частности, источники интересны в плане изучения вариативности языковых средств, поскольку в них представлены фонетические (*суда*, *суды*, *нонешной*, *ночь*, *тамо*, *топерь*), грамматические (*облак* (ОЛ: л. 9 об.), *кедра* (ОЛ: л. 28), *заморозка* (ОЛ: л. 6)), словообразовательные (*ленной* (ОЛ: л. 19), *куричий* (д. 12676/33), *малисинькой* (ОЛ: л. 3 об.) *отселе* (ОЛ: л. 5), *ночь* (ОЛ: л. 13)), семантические (*фантазия* (д. 12676/15), *картина* (д. 12676/16)) варианты общерусских слов.

Бытовые записи позволяют пойти при их обработке по пути прибалтийского и забайкальского словарей, традиционных для подобного типа материала, и создать диалектный словарь дифференциального типа, в который войдет безэквивалентная лексика (этнографизмы) (*кулемка*, *пудовка*, *стрый*, *хиуз*), лексические диалектизмы (*баской*, *черым*), формальные (*облак*, *нонче*, *овторник*, *вдале*, *ясти*) и семантические варианты общерусских слов (*остров*, *загон*, *отлучиться*), а также так называемые потенциальные слова (*гагаренок*, *отрыбачиться*, безл. *накопаться*). Начальную форму лексических единиц предлагается давать в традиционном для словарей виде, ударение указывать только в случае, если оно проставлено одной из просодий в источнике. Порядок статей – азбучный. В иллюстративной части авторская орфография сохранена, графика упрощена. Толкование номинативного материала также традиционно и может быть развернутым (энциклопедическим), выраженным синонимами, антонимами или же отсылками к производящим. Чтобы не отказывать материалу в системности, он в обязательном порядке должен содержать указание на источник, поскольку записи сделаны носителями разных говоров.

Анализ показал: создатель «Островного летописца» севернорус, говор женщины во многом сходен с местными (прикетскими), лишь некоторыми

чертами (прежде всего морфологическими, лексическими) совпадает с речью автора летописца. Но ничего исключительного в этом факте нет – бытование в одной старообрядческой семье произносительных особенностей разных диалектных систем отмечалось, в частности, исследователями у Лыковых [16. С. 7]. Эти данные свидетельствуют о прищлости части общины на Томский Север, допускают включение в ее состав местных жителей (например, матери или мачехи Натальи, которую она называет старицей). Генетическая разнородность говоров, на наш взгляд, допускает объединение диалектного материала только при условии отражения в словарной статье авторства письменного высказывания, ибо любой факт данной формы национального языка должен быть рассмотрен с системно-типологических позиций. Например, вариативность, свойственная диалектному типу языка в силу устной формы бытования, реализуется по-разному у конкретных языковых личностей. Так, в «Книге пасхальной» женщина преимущественно употребляет старославянскую форму *езеро* при редкой для нее форме *озеро*, единственно возможной в «Островном летописце». Женщина называет отца (и наставника) только *отче*, а старец – еще и *очачей*. Или: по «мужской» форме *до полдень* (ОЛ: л. 15 об., 26 об.) может быть реконструирована исходная форма *полдни*, где вторая часть слова явно воспринята как форма множественного числа, а по «женской» *с полдня* восстанавливается общерусское *полдень*. Указание на источник будет в данном случае аналогично территориальным пометам диалектных лексикографических трудов.

Подобный тип словаря может быть проиллюстрирован следующими статьями:

АНБ'АР, м. Хозяйственная холодная постройка для хранения зерна, муки, возможно вещей; амбар. *Онбаръ зачали рубить <...> Онбáръ подняли и закрыли* (ОЛ: л. 32 об.).

ДАК, част., в роли соотносительного слова в главном предложении при условном придаточном, соответствует ...ТО. *Теперь буду писать одной буквой: если доишь, дакъ буду писать добро, а снег – слово, а ведро нечо небуду, а маленькой дожжичок – червь* (ОЛ: л. 19).

ЛЫВА, ж. Лужа (только образовавшаяся в результате таяния снега или льда?). *Ився ноцъ таето, стало около избовъ голо илывы* (ОЛ: л. 19 об.).

ЛЫВКА, ж. Уменьш. к ЛЫВА. *Маленко потепле, укрылца лывки, а черым нероспускат* (ОЛ: л. 6).

НАДЕЖА, ж. Надежда. *На меня надежа крепка, нешто никаму я нискажу, но ты смотри ни падывиди* (д. 12676/28).

НОНЧЕ (НОНЧА), нар. Нынче. *Аморозу нонче нет* (ОЛ: л. 20); *И так нонче вся зима была марозная, не бывало тепла* (КП: л. 8 об.); *Нотьче (так!) мне очень хателась у вас побывать, но ат ребенка далека неускочишь* (д. 12676/18); *Пасха была нонча апреля 16* (д. 12676/34: 1).

ОБЫД'ЕНКА, ж., в сост. нар. **ОБЫДЕНКОЙ, НА ОБЫДЕНКУ**. В течение суток, без ночевки. *Ходил порыбу обыдénкой* (ОЛ: л. 5 об.); *10. Ходилъ нарыбалку наобыденку, рыбы добыль 60 да зязя* (ОЛ: л. 23); *12. Я приежжсал наобыденку* (Ср.: *1 октября приежжаль домой. 2-го уехалъ*) (ОЛ: л. 29).

ФАНТАЗИЯ, ж. Песня; история, нечто сочиненное вообще? *Наташа, я напишу тебе фантазию: «Темная ночь разделяет, любимая, нас, широкая черная степь пролегла между нами...»* (д. 12676/15).

Конечно, чтобы подчеркнуть старообрядческий характер источников, словник может быть ограничен конфессионально значимыми лексемами и выражениями, хотя сразу оговоримся, что этот вариант словаря на данном этапе работы видится автору наименее перспективным. Во-первых, потому что религиозная сторона жизни общинников напрямую отражена в записях слабо; во-вторых, он во многом будет дублировать имеющиеся церковно-книжные справочники. Тем не менее он имеет право на создание, поскольку практически любой лексикографический труд есть в определенной степени повторение уже имеющихся описаний слов.

В этом случае в словарь должны войти названия православных праздников (*Пасха Христова* (ОЛ: л. 6), *Фомино воскресенье* (КП: л. 1), *Вознесение* (КП: л. 2 об.), *Георгиев день* (д. 12676/36: л. 2) и др., церковных текстов (*переплетала книгу послании тимофеевы* (д. 12676/36: л. 3), *повес Алексея* (ОЛ: л. 9)) и временных границ религиозно значимых событий (*отселе начинается пост* (ОЛ: л. 5), *Петров мясопус(т)* (ОЛ: л. 35), *преполовление* (ОЛ: л. 25 об.), действий (*разговеться* (ОЛ: л. 27 об.)) и др. Подобные статьи будут характеризоваться энциклопедическими толкованиями номинативных единиц, как и конфессионально нагруженные понятия, выражаемые словами *сестрица, братец, братия, отче (оча)* (широко), *старица* (д. 12676/31), *хресна* (д. 12676/29), фразеологизмами *получить смерть* (КП: л. 5), *скончатъ житие, потерпеть (к) грехам* (КП: л. 14), *принять святое крещение* (ОЛ: л. 6). В отличие от них, в случаях с устаревшей лексикой (*глаголеть* (д. 12676/29), *генварь, февруарий, огонь* (ОЛ: л. 15), *четверток* (ОЛ: л. 11 об.), *раба* (д. 12676/32) и подобной) дефиниции будут осуществляться преимущественно через синонимы.

Таким образом, в данном варианте словаря окажется сосредоточена архаика текстов (лексическая, грамматическая), которая объясняется как усвоением пишущими церковно-книжных норм языка, так и разновременностью их создания (1915–1975 гг.): *Сего дни гостей ждемъ ждемъ братию* (ОЛ: л. 20 об.); *Погине вера погине* (ОЛ: л. 36 об.); *Восимьнадисить пасмов* (д. 12676/34: л. 4). Весьма информативным было бы отражение в иллюстративной части особенностей графики памятников, как представлено в текстовой части настоящего исследования, где различаются курсивное и уставное письмо, отражено употребление авторами записей архаичных кириллических знаков. Ниже приведены образцы статей, содержащих отчасти вопросы и сомнения составителя.

ДЕСНИЦА, ж. Правая рука. *Ета я писала болной ручинкой, этот год генваря 20 погубила десницу свою* (КП: л. 12).

НИКОЛА (НИКОЛИН ДЕНЬ), м. Один из дней памяти св. Николая Мирликийского: день преставления – 6 (19) декабря, перенесения мощей святителя – 9 (22) мая. *6 декабря снегу 3 четверти. Спервова декабря мороз. Напряли книколину дню 30 полумотков* (ОЛ: л. 12 об.); *9. Николин день, нехолодно иветр* (15). *Ета я писала вниколу поздным вечеркомъ* (КП: л. 6); *Мая 9*

мы смамай ходили на езира бальшо. Была мрачьна истудено. Быль празник нибальшой Никола (д. 12676/34: л. 2).

ОТЛУЧИТЬСЯ, сов. Отделиться; выйти из общины (возможно, в силу религиозно-обрядовых разногласий?). *Этот год Маничка ушла, миня адну оставила, иатбратии мы отлучилися* (КП: л. 3 об.).

ОТОЙТИ, сов. То же, что ОТЛУЧИТЬСЯ? Возможно: отринуть старообрядчество, стать вероотступником? *Этот год февраля 15 отошла от нас сестрица васса, нас оставил миня* (КП: л. 7). // *Умереть? 3-го числа отошла сестрица мария насъ оставила, а мы еще пока живем все трое* (КП: л. 9).

ПОЛУЧИТЬ СМЕРТЬ. Умереть. *1968 года 2 апреля получила Дуся смерть. Осинью пришлоь Петя ивсе обетом сказал* (КП: л. 5).

Если же исходить из признания конфессиональной направленности и у бытовой письменности, в чем автор не сомневается (любой текст прагматичен, в нем не может не быть отражена личность пишущего), определение *старообрядческий* в названии словаря уже не воспринимается условным: в записках в полной мере, особенно в более или менее развернутых текстах, проявляются такие черты древлеправославия, как традиционализм, маргинальность, обостренный эсхатологизм, а также особое мирознание общинников, ощущение ими собственной избранности. Эти характеристики выявляются и в общей умиротворенной тональности «Островного летописца» (*Помочило ипогремело, и градок, идуга. Шшучка попала. Росадник делали* – л. 15 об.), и в стенаниях Натальи, в построении ею сообщения о смерти отца и наставника по канонам жанра жития (*ипопасхе вовторникъ пятой недели 23 апреля георгіа вечером сканчалъ свое житіє навосемдесятъ деватымъ годѣ*. – д. 12676/31). Божий человек предстает в них в разных ролях: как существо физическое, смертное, наделенное речью, сознанием, совестью, ответственностью за сохранение православных традиций перед Богом и потомками, а потому нравственным и глубоко религиозным. Из всех его социальных характеристик, например в «Летописце», ярче всего представлена ипостась труженика.

В этой ситуации более информативным видится полный словарь, учитывающий все бытовые источники или же (что представляется начальным этапом данной работы) построенный на материале одного из пространных памятников – как «Словарь островного летописца» либо «Словарь томской общинницы». Обращение к индивидуальной речевой практике, устной и письменной, особенно носителей традиционной народной культуры (в данном случае старообрядческой) находится сегодня на пике исследовательской практики и отражает внимание к реальному функционированию языка социума, который представлен отдельными языковыми личностями (далее – ЯЛ). Например, этот вариант приведен в словаре Г.А. Толстовой, построенном на материале писем А. Лыковой. Но ЯЛ прошлого реконструируется на материале памятников письменности. И хотя личность автора, ценностные и пространственно-временные координаты его мира отражаются, несомненно, в любых текстах, но наиболее репрезентативны они в первичных источниках, среди которых особую ценность представляют частные письма, записки, мемуары, дневники. В частности, отмечается большой потенциал последних для изучения ЯЛ: «Наряду с собственно языковыми данными, демонстрирующи-

ми авторские предпочтения в их отборе и использовании, дневник раскрывает систему личностных суждений и оценок, особенности характера, мировоззрения, жизненной позиции, расширяя сведения об исследуемой личности» [17. 101]. При этом в рамках лингвоперсонологического исследования могут решаться задачи этноконфессиональной лингвистики, как, впрочем, возможно и рассмотрение первого аспекта в парадигме второго.

Лексический состав названных памятников представлен гнездами однокорневых или одноструктурных гнезд, что показывает широкие деривационные возможности целого ряда слов, которыми последние не обладают в современном (литературном и диалектном) языке. Например, в обоих летописцах активно отражено образование деминутивов, часть из которых не описывалась словарями: *плешинка* (ОЛ: л. 3; 25), *черымчик*, *кухточка*, *инеечек*, *пятеричок* (ОЛ: л. 18), *жарконько* (ОЛ: л. 7 об.), *сыренько* (ОЛ: л. 29), *саевка* (ОЛ: л. 32 об.), *ведрышко* (ОЛ: л. 18 об.), *окошечко* (КП: л. 2; 3 об.), *следок* (КП: л. 11), *рыбка* (КП: л. 3), *весточка* (КП: л. 3 об.) и т. д. У старца глаголы конкретного физического действия регулярно дают приставочные образования, отражающие фазы протекания действия во времени: *жать* – *пожать* (л. 28) – *выжать* (л. 18) – *нажать* (л. 10) – *отжаться* (л. 28) – *нажаться* (л. 18), *рвать* – *порывать* (л. 18) – *нарвать* (л. 10) – *нарваться* (л. 22) и подобные. Однотипные дериваты образуют и названия выращиваемых овощей и злаков: *гороховишию*, *картовишию* (л. 7 об.), *пшеничишию*, *репишию* (л. 25 об.), *ржище* (л. 15), *ячменишию* (л. 17 об.).

Этот словарь может быть гнездовым (алфавитно-гнездовым), где в словарной статье найдут отражение виды системных отношений: парадигматические, синтагматические, эпидигматические (мотивационные), что позволит восстановить вербально-грамматический, когнитивный, прагматический уровни структуры ЯЛ. Современные технологии позволяют дополнить такую словарную статью статистическими данными. Подобная организация словаря наиболее трудозатратная, поэтому ниже представлен лишь начальный вариант статей, материалом для которого послужил текст старца. Поскольку непонятных слов в этих гнездах нет, толкования однозначных слов здесь не приводятся. Лексические единицы в статьях даны в алфавитном порядке.

БУРАН, м. *Сутра зачало засинивать имороз, к вечеру заморочало, а ночью буран* (л. 4 об.). *Талица, шипко сильной буран* (л. 29). **БУРАНЧИК**, м. Уменьш. к БУРАН. *Тепло ибуранчик* (л. 3). *Буранчик и маленко похолодне* (л. 3 об.). *Буранчик меленкой* (л. 24). **ЗАБУРАНИТЬ**, сов., безл. *Квечеру забуранило* (л. 20 об.).

ЛЕН, м. 1. Травянистое растение из семейства лёновых. *Лен зачал свести первой* (л. 9); *Лень посеели наечмёнишию* (л. 15); *Лен рвали ислали. Нарвали 300 горстей слать сырова* (л. 27 об.). 2. Волокно, вырабатываемое из этого растения. *Лен наоснову опряли зачали науток <...> лен весь опряли* (л. 19 об.). **ЛЕННОЙ**, -ая, ое. Льяной. *Масло били ленно. Среда* (л. 4 об.). *Леннова семя 3 пуда 14 фунтов* (л. 11). **ЛЬНИЩЕ (ЛЬНИШШО)**, ср. *Посеели налншию пшеицу* (л. 10).

МОРОЗ, м. *Мороз сильной, ясно* (л. 2 об.). *Ветер, мороз нестерпимой* (л. 23 об.). **МОРОЗИК**, м. Смягчит. к МОРОЗ. *Ведро иморозик средней* (л. 3). *Морозик спылью ясно и кухточка* (л. 20 об.); *Мы шли стулатки. Погодьё бы-*

ло шипко чежоло. Иясно, иморозик (л. 4). **МОРОЗИТЬ**, несов., безл. Кноче <снег> поворотил надож ишол до полночи, и зачало морозить (л. 11 об.). От сегова до 20-го неморозило (л. 20). Засолнышком морозило весь день (л. 7). **ЗАМОРОЗИТЬ**, сов. к МОРОЗИТЬ. Незаморозило, адень ясный (л. 6); Заморозило шипко. Все, чо было закрыто, замерзло (л. 10 об.). **ЗАМОРОЗКА**, ж. Заморозка. Была буря, свету не видать (л. 6). **НЕМОРОЗ**, м. Тепло. Маленько снежок попорошил инемороз (л. 3). Ясно инеморос (л. 5).

МОТЫГА, ж. Мы ковали две мотыги (л. 7). **МОТЫЖИТЬ**, несов. Рыхлить землю ударами мотыги. Зачали пары мотыжить (л. 8 об.). Ана лнишио посели рош, изаборонили, анемотыжили (л. 18). Мотыжили подрепу 125 сажен, вечером посели (л. 16). **ДОМОТЫЖИТЬ**, сов. Домотыжили залог (л. 9, ср. там же: картовки огребли). Пары домотыжили (л. 22 об.). **ОТМОТЫЖИТЬСЯ**, сов. Отмотыжились сземлей управились (л. 27); Я отмотыжился (л. 31). **ПОМОТЫЖИТЬ**, сов. Маленько помотыжили (л. 25). **СМОТЫЖИТЬ**, сов. Залог смотыжили маленько (л. 16 об.); 2 загона смотыжили ипосели пиенциу загон накартовишо да загон нарепишо (л. 25 об.); Смотыжили подзимову пиенциу сосью (л. 28).

ОБЛАК, м., мн. облаки, единично – облака. Облак стоял (л. 9 об.). Облаки ходили посторонам игром был (л. 8 об.). Днем облака и тепло (л. 25 об.). **ОБЛАЧЕК**, м. Уменьш. к ОБЛАК. Ясно ипотаело пошипче и облачки (л. 6). Побрызгал дожичок из облачку и тепло (л. 11). **ОБЛАЧНО**, кат. сост. Морос и облачно иветр север (л. 6). Облачно инаелане нетаело (л. 6 об.).

РЫБА, ж., ед. Рыб попало пудов 5 (л. 19 об.) 36 рыб заудили (л. 27 об.). // В собир. знач. Я ходил натулатку рыбу черпал (л. 5 об.). Рыбы добыл 3 пуда споловиной (л. 22 об.). // Мелкая рыба? Рыбы добыл 80 даязя и 2 подьяска (л. 23). **РЫБИНА**, ж. Ходили удить заудили 5 рыбин (л. 10). Рыбы добыл 190 рыбин (л. 20). **РЫБАЛКА**, ж. Ходил нарыбалку наобыденку (л. 23). Ходил нарыбалку. Рыбы попало фунтов 25 (л. 23). **РЫБАЧИТЬ**, несов. Уехали на-старо место рыбачить (л. 29). **ОТРЫБАЧИТЬСЯ**, сов. Пришли домой, от-рыбачились (л. 29).

СИНЕЙ, -яя, -ее. Синий. **СИНЕ**, кат. сост. Полесу шипко сине стало (л. 7). **СИНЕТЬСЯ**, несов. Ален везде синеца светет (л. 19). **СИНОЧКА**, ж. Синочки прилетели (л. 25). Синочка летала, агусей нонче невидали. **ЗАСИНИВАТЬ**, несов., безл. Сутра зачало засинивать имороз, к вечеру заморочало (л. 4 об.); Солнце в кругу, вечером зачало засинивать (л. 5). **ПОСИНЕТЬ**, сов. Шипко таело. Озеро посинело (л. 21).

Выработка оптимального варианта словаря обусловлена желанием максимально полно и многоаспектно отразить уникальный языковой материал, обеспечить ему хороший уровень исполнения, достойный планке Томской лексикографической школы. Возможность выбора не спасает от рифов и мелей словарной работы по рукописному материалу, когда создателей текста уже не опросить с целью уточнения семантики или исходной формы слова. Телеграфный же стиль дневника не предполагал развернутых, подробных описаний. Например, записью от 22 июня 1917 г. отмечено: Мы сколотни снимали, щюка попала (л. 16об). В СРНГ (т. 38, с. 60) читаем: 1. Перекладчины, соединяющие ножки ткацкого стана (но общинники *вынесли кросна* еще 9 марта); 2. Пахта (но животноводством община не занималась, к тому же

снимать ее нельзя). Помогает забайкальский словарь, где приведены две исходные формы *сколотень*, *сколотня* и указаны значения: 1. Берёста, снятая с обрубка березы целиком, без разрезов. 2. Берестяной короб (с. 431). Ближайшие контексты (*Мы ходили вбольшой остров бересто драть* (л. 16 об.) и... *бересты драть* (л. 17)) позволяют однозначно семантизировать слово, хотя и не уточняют его грамматической формы – *сколотень* или *сколотня*.

Другой пример: *Уочи вызбе проевились стрюкалки или сверчки* (л. 23 об.). Если воспринимать *или* как союз с разделительным значением, весьма затруднительно у выделенного слова определить значение – при том, что совершенно очевидно: его следует соотносить со звукоподражательным глаголом *стрюкать* ‘стрекотать’. О.Г. Ровнова, секретарь Центра по изучению старообрядчества, в частной консультации предложила видеть у *или* пояснительную функцию в данном предложении, указав, что в Деулинском словаре сверчок называется *стрючком* (с. 546). Еще одно, на беглый взгляд, затемненное место: *Уржы последни перышки зачали выходить на курешках* (л. 16, 30 мая). Сложность вызвала омонимия корней: с начальным *кур-* в словарях отмечено большое количество слов, значения которых включают семы ‘множество’, ‘утолщение’, что наталкивало на понимание *курешки* как колоска. Но данная тема в «Летописце» развита замечанием у *вешной пшеницы на песке 2 колоска бочки выставили* (л. 27), из которого следует, что речь идет о курене – выжженном под пашню земельном участке. Данная версия была также поддержана О.Г. Ровновой, указавшей на типичность чередования Н с Ш, как в словах *ладонь* – *ладошки*.

И всегда есть опасность неправильного прочтения, создания «фантомного» слова, как это было при восприятии предложения *Ходили покартовки пооставши всех притащили 48 ведер* (л. 32). Первоначально оно было понято так: *Ходили покартовки, пооставши всех, притащили 48 ведер*, соответственно, *пооставши* было квалифицировано как деепричастие на -вши (поотставши), соответствующее севернорусскому типу говора, что нашло отражение в первой статье автора по этому материалу [13]. Правильное же прочтение пришло позже: *ходили покартовки пооставши* (по оставшиеся). Была проблема и со словом *легуши*, прочитанному как *летуши*, т. к. они *ревели*, а этот глагол в значении ‘издавать звуки, кричать’ диалектные словари приводят обычно для птиц, почему оно и было соотнесено с *летать*. Требуют дополнительных разысканий еще ряд лексем.

Стоя в начале интересной, но трудоемкой работы, подбадриваю себя мудрым изречением: дорогу осилит идущий.

Литература

1. Сморгунова Е.М. Лингвистические проблемы в археографических исследованиях (языковые особенности русского старообрядческого населения // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 72–90.
2. Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1992. 286 с.
3. Матанцева М.Б. Арханческая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 22 с.
4. Козина О.М. Говоры старообрядцев-семейских Бурятии: генезис, диалектный тип: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004. 21 с.

5. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. I. Тарту, 2004. 318 с.
6. *Самойлова Ю.В.* Лексические особенности русского говора старообрядцев села Николаевск: штат Аляска, США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 1999. 23 с.
7. *Юмсунова (Моррис) Т.Б.* Речевой портрет староверов Орегона младшего поколения // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–12 сентября 2009. Екатеринбург, 2009. С. 302–304.
8. *Никитина С.Е.* Человек и социум в народных конфессиональных текстах. М.: ИЯз РАН, 2009. 353 с.
9. *Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю.* ДОМ в свадебных причитаниях и духовных стихах: опыт тезаурусного описания. М.: ИЯз РАН, 2000. 216 с.
10. *Никитина С.Е.* Этноконфессиональная лингвистика? // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–12 сентября 2009. Екатеринбург, 2009. С. 197–199.
11. *Приль Л.Н.* «Островной летописец» // Тр. Том. гос. объедин. ист.-архит. музея. Томск, 1995. Т. 8. С. 183–222.
12. *Мальцев А.И.* «Книга пасхальная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 263–272.
13. *Старикова Г.Н.* Дневник старца общины как лингвистический источник // Тр. Том. гос. объедин. ист.-архит. музея. Томск, 1995. Т. 9. С. 145–149.
14. *Старикова Г.Н.* «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9: Филология. С. 35–39.
15. *Старикова Г.Н.* Пространственно-временные координаты жизни старообрядческой общины (на материале «Островного летописца») // Классическая филология в Сибири: Материалы VII Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии / под ред. Л.Т. Леушиной. Томск, 2011. С. 111–121.
16. *Толстова Г.А.* Полуустав в XXI веке (письма Агафьи Лыковой в собрании Красноярского краевого краеведческого музея). Красноярск: Тренд, 2008. 80 с.
17. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.